

О. Ернев – Когда спящий проснётся

комедия

Действующие лица

ОЛЕГ

НАДЯ ЩЕГЛОВА

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ЩЕГЛОВ

АЛЛА АКСЕНОВА

ЮРА АКСЕНОВ

СОФЬЯ ЛЬВОВНА

СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ (СИМ-СИМ)

ЛЮБАНЬКА

ВАСЕК

1 МИЛИЦИОНЕР

2 МИЛИЦИОНЕР

ВРАЧ

1 САНИТАР

2 САНИТАР

ОЛЯ

Лестничная площадка, разделяющая две квартиры. Налево - квартира Щегловых, направо - Аксеновых. Три двери в глубине сцены: Любанька, Софья Львовна и Семен Семеныч. Поскольку это последний этаж, имеется лестница на чердак.

День. Он обещает быть, как всегда, оживленным, суматошным, Но сейчас еще пока тихо, умиротворенно. Впрочем, тишина тут же нарушается вышедшей на лестницу Любанькой. В руках у нее ведро и швабра. Любанька намеревается мыть пол, но ее пошатывает. Швабра падает из рук. Она ее с трудом поднимает. Окунает тряпку в ведро, вытаскивает и... это оказался смертельный номер: тряпка перевешивает и Любанька грохается на пол. Подняться она уже не в силах. Лежит. Пауза. Выходит Семен Семеныч. Из приоткрытой двери раздаются истерические вопли, которым отвечает рев толпы.

ГОЛОС. Поход на Москву!

РЕВ. А-а-а!

ГОЛОС. Под окрашенными жертвенной кровью знаменами!

РЕВ. А-а-а-а!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ (торжествующе). Ага! Знаменами! (Наступив на Любаньку.) Что делается в стране! Давно бы так! А то спят, как медведи!

ЛЮБАНЬКА. Сим-Сим.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ (увидев ее). Ты слушай, слушай!

ГОЛОС. Только революционные процессы помогут выбить шайку бандитов, засевшую в Кремле.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ух ты! Вот размахнулся! Это по нашему, по революционному. Давно пора проветрить матушку Россию.

ЛЮБАНЬКА. Так уж и так сквозняк. Весна все не наступит. Куда ж проветривать? А ты лучше мне займы, до послезавтра...

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Нет! Альтернативы революции! Ты слышала - процессы! Телевизор смотреть надо, а не водку жрать. Газеты читать надо!

Исчезает в лифте.

ГОЛОС ИЗ ЛИФТА. "Врагу не сдается наш гордый Варяг, пощады никто не желает!"

ЛЮБАНЬКА. Я! Я желаю.

ГОЛОС ИЗ ЛИФТА (убежденно). Никто не желает.

Любанька с трудом поднимается и с большим креном то вправо, то влево подходит к двери Щегловых. Звонит. Выходит Надя. На лице у нее творожная масса. Любанька от неожиданности кричит.

НАДЯ. Чего разоралась, Любка?

ЛЮБАНЬКА. Надька, кто это тебя так?

НАДЯ. Да это же маска, дура!

ЛЮБАНЬКА. Маска? А для чего, Надь?

НАДЯ. Для морды лица.

ЛЮБАНЬКА. Чего?

НАДЯ. Посредством маски, Любаня, легким движением рук замученная русская морда превращается в красивое европейское лицо. Гляди. Ап! (Стирает салфеткой массу.)

ЛЮБАНЬКА. И правда европейское. Доброе. Может, из доброты сердца своего... на бутылочку пожалуешь?

НАДЯ. Денег не дам. Вымоешь лестницу - получишь, как договорились.

Уходит. Любанька пытается мыть пол. Безуспешно. Рухнула. Лежит. Входит Софья Львовна. Голова задрана вверх. Спотыкается о лежащую Любаньку.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Чем вы там занимаетесь, на полу, Люба?

ЛЮБАНЬКА. Творчеством.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Творчеством?!

ЛЮБАНЬКА. Да. Художественное мытье... полов.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Да вы третий день, извините за выражение, творите.

ЛЮБАНЬКА. А господь боженька землю шесть дней творил. Софья Львовна, у тебя лицо... европейское. Пожалей сиротинушку. Взаимы.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Нет у меня денег, Люба. А на водку тем более. Надо утончаться духом, голубушка. Не валяться надо, а ввысь стремиться, вот как я. (Еще выше задирает голову.) Туда. Мне кажется, Люба, что я скоро взлечу. Вот так бы взмахнула руками и полетела, и стала небесным странником. (Подпрыгивает, приземляется не очень удачно, наступив на Любаньку.)

ЛЮБАНЬКА (вскрикивает). Ай! Слезьте с меня! Птичка вы наша райская.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (подбегая к двери Нади. Звонит.) В небо, Любочка, в небо!

ЛЮБАНЬКА (попыталась сократить расстояние между землей и небом, но... сила притяжения...). Нет, я земная как утюг. (Рухнула.)

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (вышедшей на звонок Наде). Извините, Надюша. Вы не дадите мне снотворных порошков?

НАДЯ. Порошки? Это что-то новое, Софья Львовна. У меня только таблетки.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Простите, Наденька, ну конечно, таблетки. Последнее время я все чаще и чаще вспоминаю детство. А в моем детстве были не таблетки, а порошки. И мама, бывало...

НАДЯ. Извините, Софья Львовна, вы потом мне расскажете. Мне сейчас очень некогда. Я вам порошки ваши, то есть таблетки сама занесу. Вам какие: послабее или сильнодействующие?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Мне сверхсильнодействующие. С тройным эффектом. А лучше с четверным.

НАДЯ (подозрительно). Я надеюсь, Софья Львовна, вы на тот свет не собираетесь?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ну что вы, голубушка. Мне на этом так же хорошо, как на том. Просто последнее время я чрезвычайно чем-то возбуждена. Нервы, понимаете? Третьи сутки не сплю.

НАДЯ. Понимаю. Авитаминоз. Весенний симптом.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Дело не в этом, милочка. Это духовность. Мне все время какая-то музыка слышится.

НАДЯ. Какая музыка?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Прекрасная. И сквозь эту музыку голоса тоненькие, красивые. И они поют: "Иди к нам! Иди к нам!"

НАДЯ. Кто-то вас к себе призывает?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Да. Они. (Показывает на потолок.) Они.

НАДЯ (сочувственно). Да, поспать вам не мешает. Я занесу вам таблетки.

Надя исчезает в дверях. Софья Львовна направляется к своей двери. Спотыкается о Любаньку.

ЛЮБАНЬКА. Ай!

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Денег не дам. И встаньте дорогуша, вы же женщина. Что вы валяетесь как... эта... как падшая.

ЛЮБАНЬКА. А я падучая. Как звезда.

Софья Львовна уходит.

ЛЮБАНЬКА. Вот тебе и европейские лица. Один черт, что Европа, что Азия: денег никто не дает. Пока, говорят, не вымоешь. А как мыть, когда руки дрожат. Сначала надо выпить, потом вымыть. Чтоб деньги были на что выпить. Но сначала же надо выпить. А потом вымыть. А как же выпить? У меня проблема.

Двери лифта открываются, входит Семен Семеныч. В руках у него кипа газет. Стоя у своей двери, он перебирает их.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Вот сейчас мы и узнаем, чем живет страна. Вижу, вижу, она бурлит и пузырится, как деревенские щи. Но какие щи без красного перца? Вот мы его и подсыплем. Да так, что эти демократы рты пообжигают. Красный перец, это брат Люба, не шутка. Красный перец - это такая начинка, что рванет дай боже! Я, Люба, не террорист, но без взрывов мне скучно. Эх процессы! Горючая смесь! Перцовка!

ЛЮБАНЬКА (оживившись). Истинно говоришь, Сим-Симыч. Горючая. Перцовка!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Да не про водку я, баба! Я про революцию!

Убегает к себе.

ЛЮБАНЬКА (сочувственно). Чудак! На что жизнь тратит. На какую-то революцию. То ли дело двести грамм. (Встряхивается.) Нет, не могу. В грудях все жжет от зноя. Как в Аравийской пустыне. Пойду Васька разбужу. Пусть что-нибудь придумает.

Забирает ведро со шваброй, уходит к себе. Отворяются двери лифта и выходит Олег. Осматривает площадку и видя, что никого нет, подходит к двери Нади. Воровски озираясь, звонит.

НАДЯ (Открыв дверь). Ой, Олежка. (Выглядывает на площадку.) Никто не видел? Входи быстрее! (Закрывает дверь, экспансивно бросается на грудь вошедшему.) Здравствуй, здравствуй! Любимый! (Душит его в объятиях, не обращая внимания на стоны Олега, а может, принимая их за чувственные. Наконец, Олегу удается вырваться из объятий женщины, он вскрикивает и держится руками за виски.)

НАДЯ. Что случилось, дорогой?

ОЛЕГ. Голова. Просто разламывается. Любая встряска...

НАДЯ. Поняла. Авиаминоз. Весной у всех так. Много думаешь.

ОЛЕГ. Да. Ментальный процесс...

НАДЯ. Я тебя поцелую? Нежненько.

ОЛЕГ. Виртуальный аспект...

НАДЯ. И вот так.

ОЛЕГ. Аномальный...

НАДЯ. Аскорбинку пей. Много. Больше морковки со сметаной. Шиповник. Я так соскучилась.

ОЛЕГ. Я еще сильнее. (Обнимает ее. Вскрикивает.)

НАДЯ. Больно, да?

ОЛЕГ. Мне надо ... я знаю, что мне надо. Я читал у Малахова. Ледяной душ.

НАДЯ. Ой, а не простудишься? Смотри, застудишь легкие и будет вместо ментального процесса - туберкулезный.

ОЛЕГ, Нет, Малахов утверждает, что от ледяной воды пробуждаются резервные силы.

НАДЯ. Ну, если резервные, я не против. Полотенце желтое.

Олег уходит в ванную. Телефонный звонок.

НАДЯ (сняв телефонную трубку). Алло. А, мамуля? Привет. Ну как вы там? Как Лешенька? Все в порядке? Ну, я рада. Ты извини, что я тебе внепланово его подсунула. Да. Хорошо. Поняла. Да в том-то и дело, что Павел после работы уезжает на симпозиум. Что такое симпозиум? Сейчас, мам, посмотрю в словаре. (Кладет трубку, бежит к полке, снимает словарь, листает. Снова возвращается к трубке.) Написано так: совещание, чаще научного характера. С латинского simpozium, с греческого simposion - то есть пирушка. Ты хочешь сказать, что верить надо грекам, а не мужу? Ладно, придет разберемся. Дай-ка мне Лешеньку. Здравствуй, зайчик. Ты поел? Бабушке спасибо сказать не забыл? Ну, умница. Чем вы занимаетесь? Ну, читайте. Люблю, котеночек. Целую, кролик.

Кладет трубку. Входит Олег, вытирая полотенцем голову.

ОЛЕГ. Освежился.

НАДЯ (красуясь перед ним). Я тебе нравлюсь?

ОЛЕГ. Ты потрясающе выглядишь, Надюшка! У меня нет слов. За это надо выпить. Откупорим шампанского бутылку! Иль перечтем "Женитьбу Фигаро"?

НАДЯ. Шампанского.

ОЛЕГ (открывая дипломат). Вот так всегда: классики на втором месте. (Вытаскивает шампанское и букетик цветов в горшочке.) Тебе! Правда, красивые? Один горшочек для тебя, другой для жены. Это сирийские крокусы. Три месяца цвести будут.

НАДЯ. Какие милые. Ты прелесть, Олежка! Так внимателен. Как мало надо русской бабе: крокусы в горшочке и она счастлива. (Нюхает цветы.) Сирией пахнет.

ОЛЕГ. Ты была в Сирии?

НАДЯ. Нет. Только хотела.

ОЛЕГ (убежденно). Будем.

НАДЯ (расчувствовавшись). Дай я тебя поцелую.

Бросается ему на шею. Олег мучительно стонет.

НАДЯ. Болит? Может, тебе таблетку?

ОЛЕГ. Погоди! Я хочу сказать одну важную вещь. (Разливает шампанское.) Мы сейчас с тобой выпьем за... за... (Надя слегка кокетничает.) За Ганди.

НАДЯ (поперхнувшись). За кого?

ОЛЕГ. За Махатму Ганди. Индийский политический лидер. Святой! Вот это мужик, Надя. Он весь народ, всю Индию поднял за свободу. Да что там Индию! Надежда! Он меня поднял!

НАДЯ (растерянно). Олег. Я так тебя ждала. Я надеялась, что первый тост мы выпьем за нас с тобой, а твой этот махудра мог бы и подождать...

ОЛЕГ (взволнованно). Нет, Надя, ждать нельзя. Ведь эта свобода от рабства. Я не хочу больше быть рабом! Я тебе сейчас объясню, Мы рабы, потому что мы лжем сами себе, ты понимаешь? Прежде, чем лгать другому, мы лжем сначала себе. Нашим невежеством, нашей ложью мы причиняем боль сначала самим себе, а потом другим. Я тебе раскрою секрет, почему у меня болит голова. Надя... Меня вчера сбила машина.

НАДЯ. Ой!

ОЛЕГ. Да. Но это еще не все. Когда я из под нее выбрался, на меня вдруг снизошло откровение. Я понял, почему она меня сбила.

НАДЯ. Интересно, почему?

ОЛЕГ. Потому что я неправильно живу. И машина была - ЗНАК!

НАДЯ. Знак? Какой знак?

ОЛЕГ. Знак, что надо менять жизненную ориентацию. Я обманываю свою жену. Ты - своего мужа. А вместе мы обманываем самих себя. Все! Я так жить отказываюсь. Я хочу жить по Христу, по Ганди, по правде. Я отказываюсь врать. Я не люблю свою жену. А я люблю тебя. С сегодняшнего дня мы с тобой меняем свою жизнь. В корне.

НАДЯ. Как в корне?

ОЛЕГ. Я сегодня сообщу твоему мужу Павлу Андреевичу, что мы будем жить ... втроем!

НАДЯ (поперхнувшись). Как втроем? Он, я и ты?

ОЛЕГ. Нет. Ты, я и твой сын Алексей.

НАДЯ. А... твоя жена?

ОЛЕГ. Пусть живет с тем, кого она любит.

НАДЯ. А мой муж?

ОЛЕГ. Пусть живет с той, кого он любит.

НАДЯ. Да он меня любит.

ОЛЕГ (растерянно). Но ведь... но ведь мы же с тобой...

НАДЯ (расхохотавшись). Ах ты мой проповедник! Да ты посмотри вокруг. Сейчас все так живут. Сексуальная свобода, эмансипация, феминизация! А голубых развелось, А лесбиянство? И ты хочешь всех переделать, как твой этот махмадра?

ОЛЕГ. Ганди весь народ освободил от рабства.

НАДЯ. Так то Индия. Там климат другой. Они же там кроме манго ничего не едят. У них фруктовая диета. Им же даже коров есть запрещено. Там только и питаться святым духом! А я для тебя картошечки нажарила! Индейку запекла в духовке. По телу твоему соскучилась. А ты меня освободить хочешь? От моих сексуальных желаний?

Увлекает его танцевать, сладострастным танцем пробуждает в нем эротические токи, снимает с него одежду. Олег отдается ее ласковым рукам. Мы на секунду отвернемся, поскольку этот менуэт чрезвычайно интимный. Но вот Олег вскрикивает и сильно сдавливает руками виски.

НАДЯ. Нет, я не могу этого вынести. Я принесу тебе таблетки. А ты пока лежи, расслабься, освободись от своих ментальных процессов.

ОЛЕГ (улегся на кушетку, сам с собой). Духовное притяжение сильнее, чем земное. Бегство от свободы есть наихудший вид рабства.

Надя роется в аптечке.

НАДЯ. Кстати, напомнил. Для Софьи Львовны. Одна, две, три. Хватит ей, а то не проснется старушка. (Складывает таблетки в одну кучку.) А это для тебя: Сколодепеин. Нанесем двойной удар по головной боли. Это супертонизирующее. Улучшает кровоснабжение... в разных местах. А это... этим повысим содержание адреналина и кое-чего еще. (Сложила таблетки в другую кучку. Сложила обе кучки на столе возле дивана, где в задумчивой позе лежит отрешенный от мирской суеты Олег.)

ОЛЕГ. Водички можно?

НАДЯ. Не воды, а пепси. Сейчас принесу.

Удаляется на кухню. Олег рассеянно блуждая рукой по столу, нашаривает кучку из трех таблеток, бросает их в рот и медленно, тщательно жует, не замечая горечи.

Возвращается Надя с бутылкой пепси.

НАДЯ. Ты ... жуешь? Таблетки?

ОЛЕГ. Так эффективнее. Мгновенное всасывание в кровь. (Запивает содержимое таблеток пепси-колой.) Вот. Я даже уже почувствовал действие. Голова проходит и...

НАДЯ (сбросила халатик и осталась почти обнаженной). Сюрприз. Как я тебе?

ОЛЕГ (оживленно). Потрясающе! Ты ослепительно прекрасна! Нет, я передумал! Я не буду ждать прихода твоего мужа. Я позвоню ему прямо сейчас!

НАДЯ (останавливая его). А я не хочу прихода мужа. Я хочу к тебе. Можно?

ОЛЕГ. Можно? И ты еще спрашиваешь: МОЖНО? Даже лед растаял бы от теплоты твоего голоса. Иди ко мне!

Надя ложится рядом.

ОЛЕГ. Надюша, прежде чем... В общем, я хочу сказать, что я... Я нашел способ...

Пауза.

НАДЯ. Какой способ? (Молчание.) Олечка, ты что, заснул что ли?

ОЛЕГ (очнувшись). А, нет-нет. Способ... Забыл. Черт, я забыл этот способ!

НАДЯ. Не переживай, я напомню.

Мы снова на минуту отвернемся, чтобы не казаться нескромными. Прекрасную эротическую сцену прерывает мелодичный звонок.

НАДЯ. Бог мой, кого это принесло?

ОЛЕГ. Нас нет.

Звонок более настойчивый и продолжительный.

НАДЯ. Я посмотрю. (Набрасывает халатик, идет к двери.) Кто?

АЛЛА. Надюха, открой. Это Алла.

НАДЯ (открывает, не впуская ее в комнату). Привет. Чего тебе?

АЛЛА. Надька, не выручишь? Не дашь на один вечер платье итальянское?

НАДЯ. Платье? Да оно же из Рима.

АЛЛА. Потому и прошу, что из Рима. У нас с тобой фигуры одинаковые. А я сегодня приглашена в театр.

НАДЯ. Ты с ума сошла. Павел все магазины исходил, пока выбрал. Это мое любимое. Это все равно, что мужа дать на один вечер. Прости, Алла, хоть мы с тобой и подруги, но платье дать не могу. Не обижайся.

АЛЛА. Да что с ним будет. А я в нем как картинка. Ну дай, Надюш.

НАДЯ. Прости, Алла. Тема закрытая. Проси что хочешь.

АЛЛА. Да не нужно мне ничего. Только платье.

НАДЯ (категорично). Про платье забудь.

Закрывает дверь, возвращается в комнату.

На диване лежит притихший Олег. Надя смотрит в зеркало, вглядывается долго и придирчиво в свое лицо. И кажется, оно ей нравится. Улыбнулась своему отражению, поцеловала себя, любимую, в губы, подошла к столу, налила в фужеры шампанского и отнесла их к дивану. Поставила рюмки на столик, сбросила халатик, прилегла к Олегу.

НАДЯ (игриво). Ау-у! Милый, я с тобой. (Молчание.) Мужчина, вы женщину заказывали? (Молчание.) Мужчина, у меня клиентов много. Я не могу долго ждать. (Без ответа.) Олег,

ну хватит притворяться. Я хочу выпить с тобой. Ты что, заснул, что ли? Ну вот, расслабился. Спит. И улыбается еще во сне. Со свиданьем, дорогой. (Пьет одна.) Ну, а дальше что?

Пьет одна, задумчиво глядя на спящего Олега. Долгая пауза. Звонит телефон. Подходит к телефону, снимает трубку.

НАДЯ, Алло! Павел, это ты? Я? Конечно дома. Я никуда не собираюсь. Какой ключ? От дома? Ах, ты забыл ключ. Ты хочешь приехать? Но как же так... Ты же... Да ничего я не взволнованна. Я говорю, ты ведь не собирался сегодня... Да приезжай ради Бога. Нужно - значит приезжай. Жду.

Кладет трубку. Некоторое время стоит, потрясенная новостью. И вдруг - в ней словно сработала пружина (так стремительны ее действия) - бросается будить заснувшего гостя.

НАДЯ. Олег! Олежка! Ну Олег же! Вставай! Муж едет, слышишь. Хватит дрыхнуть, Олег. Он же охотник. Он нас с тобой застрелит. Вставай! Просыпайся! Да неужели тебя не пугает смертельная опасность? Олег! Ну что за шутки? Оле-е-е-ег!!!

Звонок в дверь. Надя хватается за сердце, но сообразив, что для мужа еще рановато, идет открывать, предварительно накинув на спящего покрывало.

НАДЯ. Кто там?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Это я, Наденька.

Надя открывает, и не успевает среагировать на действие Софьи Львовны: та (что ей несвойственно) вихрем врывается в комнату начинает говорить, возбужденно жестикулируя.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Наденька, я женщина интеллигентная, и не могу допустить, чтобы вы из-за меня беспокоились. Ничего, что я так нервно шагаю? Это от нервной возбудимости. Не сплю, представляете? Уже пять суток не сплю.

НАДЯ. Но вы, кажется говорили трое суток.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Говорила. Но в моем возрасте сутки идут за двое. Ой! Что это! (Устремляется к горшочку с цветами.) Крокусы! Это ведь крокусы?!

НАДЯ (нетерпеливо). Да, но...

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Чудные цветы. Мои любимые цветы. Знаете, Надюша, я когда еще девочкой была, мой дедушка всегда крокусы выращивал. А это, кажется, египетские? Или бразильские?

НАДЯ. Сирийские.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Да что вы! Редчайший сорт! Редчайший. Они в природе встречаются так же редко, как мужчины в наши дни. Вот вы, Наденька, вы последнее время встречали настоящего мужчину?

НАДЯ. Настоящего?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Да. Как Гумилев, например. Как генерал Деникин.

НАДЯ. Нет, генерала Деникина я не встречала. И вот что, Софья Львовна, дорогая, давайте о мужчинах поговорим в другой раз, Я сейчас очень, просто очень спешу.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Милочка моя, напрасно. Когда дело, касается мужчин, спешить нельзя. Это же основная для женщин тема. Вот, например, ваш муж, Павел Андреевич.

НАДЯ. Ай!

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Что случилось, Наденька.

НАДЯ. Да он же скоро ... Простите, Софья Львовна. Спешу!

Пытается вытолкнуть соседку. Та упорно не желает покидать квартиру.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Милый ребенок, вся эта спешка, суета - они до добра не доводят. Успевают всегда тот, кто никуда не торопится. Все куда-то летят, бегут, мчатся, разбивают себе головы... И что? И ничего! В результате - разочарование, отчаяние и боль. А вот эти крокусы, они никуда не спешат и цветут себе как...

НАДЯ. Софья Львовна, вы - умница, но я вас вынуждена все-таки попросить... Ай! Не садитесь на диван! У меня там ... грязное белье!

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ах, простите. Чуть не забыла: я ведь к вам за таблетками.

НАДЯ (подавая таблетки). Вот они. Извините, Софочка Львовна, я знаю, вы у нас редко бываете, но сегодня... (Подталкивает ее к выходу). Простите.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. А все из-за того, что духовность утратили. Вера пропала, одни деньги в умах! Бизнес, бизнес. А веры нет. Искусства нет. Музы пропали.

НАДЯ. Не волнуйтесь, найдутся ваши музы.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Прекрасное должно быть величаво! Вот музыка, которая играет у меня в ушах, она величественна, органна... Вот вслушайтесь! (В тишине вдруг раздается мощный храп Олега). Позвольте, да это не орган. Это кто-то храпит.

НАДЯ. Вам показалось. Это вода в бачке, в туалете. Она у нас периодически ... храпит.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (вырываясь). Нет, это не вода. Я же слышу, храпит.

НАДЯ. Да я, я это всхрипнула. У меня иногда нечаянно...

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (подбегает к дивану и приподнимает покрывало) А! (Шоковое молчание. Шепотом с растерянным лицом). Голый человек!

НАДЯ (ее одолевают смешанные чувства ярости и стыда). Не может быть. Вам показалось. Вы же сами говорили, что у вас галлюцинации.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Вы хотите сказать, что здесь (снова заглядывает под покрывало) никто не лежит?

НАДЯ (приподнимает покрывало). Я никого не вижу. (Тоненьким голоском, как в церкви, начинает напевать: "Иди к нам! Иди-и-и к на-а-ам!")

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Что это? Кажется, поют: "Иди к нам"? (Поднимают голову к потолку). Я же вам говорила: Это ОНИ! (Хватается за голову). Странно, чрезвычайно странно. Уж сколько лет мне твердят, что я и вижу как-то не так, и слышу не то, что другие. Я когда девочкой была... Впрочем, пойду выпью ваших таблеток и засну.

НАДЯ. Вот это правильно. Вы истощили нервную систему. Срочно в постель.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Но голый мужчина! К чему бы это?

НАДЯ. Я не удивлюсь, Софья Львовна, если вам сейчас у меня на кухне труп чей-нибудь привидится.

Наконец, выпроводив соседку, бросается к спящему, прилагает все усилия, чтобы разбудить его. Бежит на кухню, возвращается с чайником, льет на Олега воду. Тот даже не пошевелился. Бросается к телефону.

НАДЯ (набирая номер). Дожили! Вот они, любовнички! Алло! Это ты? Привет! Слушай, Алуся, я была не права. Приходи ко мне. Срочно! Не могу по телефону. Катастрофа! Не придешь - выброшусь из окна!

Бросает трубку. Сидит некоторое время совершенно растерянная. Звонок в дверь. Кидается открывать. Входит Алла.

АЛЛА (с едкой иронией). Ну? И зачем же нам понадобилась, Аллочка?

НАДЯ (решительно откинув покрывало). Смотри!

АЛЛА (присвистнув). Ого! Какой Джек! Ты что, мне его предлагаешь?

НАДЯ. Шутишь? Сейчас Павел придет, а он вот.

АЛЛА. Чего вот?

НАДЯ. Не знаю. Вырубился.

АЛЛА. Ну Надька, ну стерва. Платье ей итальянское жалко, а такого мужика затрахать до смерти не жалко.

НАДЯ. Я к нему пальцем не прикоснулась. Он девственник.

АЛЛА. Кому-нибудь другому, крошка. Твой девственник не дышит.

НАДЯ. Только что так храпел.

АЛЛА. Все ясно. Тащи на кладбище.

НАДЯ (осененная догадкой). Постой! (Снимает трубку, набирает номер). Софья Львовна! Таблетки... Да, те самые. Какого цвета? Так. Так. (Упавшим голосом). Так. Вы их выпили? Нет_нет, все в порядке. Ложитесь, сон придет. (Бросает трубку. Отчаянно). Он не проснется!

АЛЛА. Ну я же тебе сразу сказала: тащи на кладбище. Могу тачку вызвать.

НАДЯ. Он будет спать как минимум три часа.

АЛЛА. А он что, к тебе высыпаться приходит?

НАДЯ. Алла, он выпил сильнейшее снотворное. Три таблетки. И при этом их сжевал!!! Его теперь пушкой не разбудишь.

АЛЛА (деловито). Водой пробовала?

НАДЯ. Видишь, мокрый.

АЛЛА. Холодной? А кипятком?

НАДЯ (отчаянно). Шутишь? Павел с минуты на минуту будет здесь, а ты...

Алла направляется к двери.

НАДЯ. Алка, ты уходишь? Ты меня бросаешь в беде? Подруга!

АЛЛА (пожав плечами). Не знаю, чем могу быть полезной в подобной ситуации. У меня, знаешь ли, в таких делах опыта маловато. По-моему, это гиблое дело. Впрочем, есть один выход.

НАДЯ (с надеждой). Какой?

АЛЛА. Ты не тащи его на кладбище. Иди на кладбище сама. (Хохочет)

НАДЯ (сердито). Знаешь что, Алка, у тебя вот здесь (стучит по голове) пустое пространство. Пустое... пространство! Эврика! Алка, нашла! У тебя же... пустое пространство!

АЛЛА. Как это понимать?

НАДЯ. Твой Юрка уехал в Приозерск. И приедет только через пару дней.

АЛЛА. Ну и что?

НАДЯ. Давай мы моего перенесем к тебе. Он у тебя выспится, проснется и уйдет. И ноу проблем!

АЛЛА. Хорошая идея!

НАДЯ. Я рада.

АЛЛА. Чему?

НАДЯ. Что ты ее принимаешь.

АЛЛА. А кто сказал, что я ее принимаю? Я сказала: хорошая идея. Больше я ничего не сказала.

Направляется к выходу.

НАДЯ (подавленно). Ты... отказываешься мне помочь?

АЛЛА. Как аукнется, дорогая. Ты же отказалась мне помочь.

НАДЯ. Платье? Я была не права. Бери.

АЛЛА. Совсем другое дело. Скажу тебе честно: оно меня здорово стройнит.

НАДЯ. Скажу тебе честно: меня оно стройнит еще больше.

АЛЛА. Ладно, не заводись.

НАДЯ. Все, берем его и понесли.

АЛЛА. Что значит: берем? Кто брать будет?

НАДЯ. Как это кто? Может, ты еще соседей позовешь? Пусть все знают. А что? У нас ни от кого нет никаких тайн. Одна дружная семья.

АЛЛА. Милая моя, я не грузчик.

НАДЯ. Но ведь мне одной его не утащить.

АЛЛА. Боюсь ногти сломать. Только что маникюр сделала. Маникюр для меня - это святое.

НАДЯ. Святое? Сейчас Павел мне на морде такую картину нарисует, что от нее вообще ничего святого не останется.

АЛЛА. Тоже мне - икона. Ладно, тележки никакой нет?

НАДЯ. Тележки?

АЛЛА. Ну чтобы на колесиках.

НАДЯ. На колесиках? Десертный столик. Он на колесиках.

АЛЛА. Отлично. Нам бы его только на столик погрузить, а дальше сам пойдет.

НАДЯ. Это ты здорово придумала.

Прикатывает столик.

АЛЛА. Джека одевать будем?

НАДЯ. Некогда. У тебя оденем. Хватайся.

АЛЛА. Тяжелый.

НАДЯ. Да не поперек. Вдоль его клади.

Укладывают спящего на столик.

АЛЛА. Класс! Поехали.

НАДЯ. Ты прямо как Гагарин - поехали!

АЛЛА. Нашла с чем сравнивать - с Гагариным. Сел в свою ракету и поехал. Делов-то. А мы такой хитроумный трюк изобретаем, что никаким Гагариным...

Раздается треск, и тело Олега скатывается на пол.

НАДЯ. Черт! Колесо отвалилось! Любимый стол Павла. Убьет.

АЛЛА (прикладывает колесо на место). Пусть так будет. И не трогай. Если что - вали на Лешку. Сына он не тронет.

НАДЯ. Придется тащить так. Помогай. Ты же боевая подруга. Вспомни, как мы на картошке пахали. Как ты мешок на себе волокла.

АЛЛА. Это точно! Есть женщины в русских селеньях!

НАДЯ. Быка на ходу остановит. Коня на себе понесет.

АЛЛА. Заверни его в простыню, а я пока выгляну. (Выглядывает на площадку, возвращается). Никого. Давай!

Берутся за спящего, вытаскиваю его на площадку. И когда они уже почти на середине, в двери Софьи Львовны слышится щелканье замка. Женщины бросают тело и убегают в комнату Аллы. Выходит Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (напевая). Беса ме, беса ме муча. Кванта куэро, муэро, пуэро ля-ля. Ничего не понимаю: совсем спать не хочется. Хочется петь, смеяться и шалить. Ах, какая я в детстве была шалунья! И не только в детстве, но и потом. Мне все говорили: " Софочка, фу, какая ты несерьезная. У тебя имя такое: София. Означает мудрость, а ты шалишь. И я захотела стать мудрой. Но ничего мудрого из моей жизни не получилось. И вот сейчас я спрашиваю: зачем человек взрослеет? Зачем становится старым, серьезным? А мне кажется, что мудрой я была именно тогда, когда шалила, танцевала на носочках и все время подпрыгивала. (Подпрыгивает.) Вот как сейчас. Ах как хочется шалить. (Замечает лежащее на полу тело). Нет, ну это просто безобразие. Полы немытые, швабра валяется, лужи кругом и... еще что-то валяется. (Нагибается, откидывает простыню). Ай! Мужчина. Опять голый! Господи, что же это делается? Надя говорит, что у меня галлюцинации. Может, это у меня на почве секса? А что? Фрейд доказал, что это такая плодородная почва, только копни и на ней что хочешь вырастит. Но что ему-то, этому голому от меня надо? Ведь он лежит? Или не лежит? И музыка все в ушах играет. (Стучит в дверь Любаньке. Та выходит). Люба, скажите мне по совести...

ЛЮБАНЬКА. Софья Львовна, откуда у трезвого человека совесть? А вот ежели...

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (резко). Не дам. По убеждению не дам. А ты мне лучше скажи, не ваш ли это пьяница валяется? (Тычет пальцем в спящего). Если вы его сейчас не уберете, я вызову санинспекцию. Пусть забирают. А заодно и вас вместе с ним.

ЛЮБАНЬКА. Про кого вы говорите, Софья Львовна?

СОВЬЯ ЛЬВОВНА. Там мужчина должен лежать голый.

ЛЮБАНЬКА (подойдя к телу и откинув простыню). Померещилось вам. Нет никакого мужика. Узел это с бельем. Наверно, Надюха белье на чердаке развешивала и выронила. А мужиков нет.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ничего не понимаю. Значит, галлюцинации?

ЛЮБАНЬКА. Они, проклятые. (Убегает к себе)

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Что же это мне за явление такое - голый человек. И почему я одна его вижу? Выходит, это мне знак. А как его разгадать? В этом есть что-то мистическое.

Подпрыгнув жизнерадостно, убегает к себе. Тут же из комнаты Аллы выбегают Надя и Алла, хватаются за спящего, но не успевают сделать и несколько шагов, как дверь Любаньки открывается. Женщины снова прячутся в комнате Аллы. Выходят Любанька и Васек.

ЛЮБАНЬКА. Надо спасать братишку, Васек. Сейчас менты подгребут. А он, может, к нам шел.

ВАСЕК. Берем и тащим.

ЛЮБАНЬКА. А я ее обманула: сказала никого здесь нет.

ВАСЕК. Сейчас унесем и нет никого. (Пробует поднять тело). Тяжелый. Много пива выпил. Слушай, Любка, мне надо сто грамм, и я тогда его одной левой.

ЛЮБАНЬКА. Да где же взять? Никто занять не хочет. Пока, говорят, лестницу не вымоешь. А как ее мыть? Руки-то того... дрожат.

С чердака спускается Семен Семеныч.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Жулики и подлецы.

ЛЮБАНЬКА. Кто, Сим-Сим?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Откуда я знаю, кто? Кто гранату мою спер. Спрашивается, кому мешала. Спрятал на чердаке так, что и миноискателем не найти. Нет, уперли. Жулье проклятое!

ВАСЕК. Откуда у тебя граната, Сим-Сим? Купил?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ну вот, буду я еще деньги тратить. Выдали. В парткоме. За то, что в девяносто первом партбилет не выбросил. Всем, кто сохранил партбилет, по гранате выдавали.

ВАСЕК. Айн момент. (Скрывается в своей комнате)

Выходит Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Вы, Люба, не обижайтесь, но я на всякий случай милицию вызвала. Если и они скажут, что никто не лежит, тогда я буду спокойна. Кстати, Семен Семеныч, если голый человек мерещится - это к чему?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ (торжественно). К революции.

Софья Львовна зажимает уши и удаляется к себе.

ВАСЕК (выбегая). Сим-Сим, я когда крышу чинил, нашел вот эту пузатую штучку.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Пузатую штучку? Дубина ты стоеросовая! Это же моя граната. Отдавай!

ВАСЕК (пряча гранату за спину). Чирик.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Что-о?

ВАСЕК. Десять тыщ.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ты мне мою гранату продать хочешь?

ВАСЕК. Бизнес.

ЛЮБАНЬКА. Не торгуйся, Сим-Сим, на Сенном такие гранаты по двадцать тыщ. А здесь в полцены.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ну если в полцены, тогда нате.

Дает деньги. Любанька и Васек мгновенно испаряются. Семен Семныч уходит к себе. Из комнаты Аллы поспешно выбегают Надя и Алла, хватают завернутое в простыню тело и относят в квартиру Аллы.

АЛЛА. Ничего не забыла?

НАДЯ. Вещи.

Выбегает из комнаты Аллы, заворачивает в узел вещи Олега, хватает дипломат, выбегает на площадку, но этот стремительный пробег пресекает Семен Семеныч, с раскинутыми крестом руками он преграждает ей путь.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Вы слышали? Вы читали? Вы видите, что делается?

НАДЯ. Мне некогда, Семен Семеныч!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Свершилось. Снова открылся мавзолей. (Тычет ей в лицо газету). Гляньте, какая очередь.

НАДЯ. Кого же этим удивишь. Даже ребенку известно: где коммунисты, там одна большая очередь.

Двери лифта открываются и... выходит Павел Андреевич. Надя мгновенно сует в руки Семен Семенычу узел с вещами и дипломат и кидается на шею мужу.

НАДЯ. Наконец-то! Еле дождалась!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Я знаю, Павел Андреевич, что вы, извините за выражение, демократ. Но зачем вы такое пишете про нашего вождя. (Хватается за сердце) Воды!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что с ним такое?

НАДЯ. Что-то в газетах, наверное.

Убегает в комнату. Павел Андреевич берет газету из рук Семена Семенычу и просматривает.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Вы читайте, читайте. Я отметил.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (просматривая статью). Ну и что? А что, интересная версия.

НАДЯ (вернувшись со стаканом воды). Какая?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да вот пишут, что их вождь был гомосексуалистом.

НАДЯ (передавая стакан Семен Семенычу). Ой! То-то я думаю, почему у него такие глаза раскосые. А теперь поняла.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Что вы поняли?

НАДЯ. Он одним глазом - на Крупскую, а вторым - на Сталина.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Тьфу на вас!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Точно был. И в мавзолее вместе лежали. И потом, Семен Семныч, если бы ваш Ленин не был гомосексуалистом, откуда у него были деньги на революцию?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ему немцы дали. Всем известно, что он немецким шпионом был.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А если был, то зачем немецкому шпиону в центре Москвы памятник?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Да потому что... (Обескуражен).

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (выходя). Голубчик, Павел Андреевич, Скажите честно: здесь на полу никто не лежит? Я имею в виду человека. Голого.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Голого? (Подозрительно оглядывается). Я никого не вижу.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (торжественно). Вот! И я никого не вижу.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Надя, домой! (Скрываются в своей квартире).

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ (Софье Львовне, в сердцах, сунув ей в руки вещи и дипломат). Мужик нужен голый, да? погоди, Львовна, совершим революцию, и мужиков голых будет хоть пруд пруди! (Уходит к себе)

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (рефлекторно приняв вещи и не заметив этого, в глубоком раздумье). Да что же это такое? То он есть, то его нет. То опять есть. И снова нет. И эти, сверху, петь перестали. словно готовится что-то... необычное, торжественное. И главное: не спится... старому ковбою. (Подпрыгнув, скрывается у себя).

Часть вторая

Действие переносится в квартиру Щегловых.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (заметив горшочек с цветами). Что это такое?

НАДЯ. Решила себя побаловать. От мужа-то не дождешься.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (виновато). Ну-ну, не преувеличивай. Шампанское? Две рюмки?

НАДЯ. Алла забегали, посплетничали.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Алла? Хм. Это не для нее ли ты так вырядилась? Если бы я тебя не знал так хорошо, я подумал бы, что у тебя завелся любовник.

НАДЯ. А он и есть. Только что был.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Скажите пожалуйста, и где же он?

НАДЯ. Пришлось выставить: ты не вовремя явился.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (Расхохотавшись). Молодец. Рассмешила. Не быть тебе, Надька, дипломатом.

НАДЯ. Почему?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Там врать надо, а ты не умеешь.

НАДЯ. А ты почему так рано? А Симпозиум?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Перерыв получился. Решил забежать. Кое-что забыл. Сейчас поем и опять на службу. Допоздна. Ты меня покормишь?

НАДЯ. Индейка, сэр!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. У нас сегодня праздник? Какой же?

НАДЯ. Симпозиум. Я вычитала, что симпозиум - это просто пирушка.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. У греков, может быть, и пирушка, а у нас... Впрочем, тащи индейку. Потешим плоть.

Надя выходит на кухню. Павел Андреевич бросается к шкафу, начинает что-то лихорадочно искать в карманах брюк и пиджаков.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да куда же я их сунул. Вот проклятье! Неужели потерял?

НАДЯ (входит с подносом). Чего ищешь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Платок носовой забыл. Пустяки.

НАДЯ. Садись.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вкуснотища. Лешку к маме отправила?

НАДЯ. Да, он соскучился.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Давай выпьем за нас с тобой. Хорошая у нас семья, крепкая. Не то, что у соседей. Вон Юрка с Аллой - живут как кошка с собакой. Он мне сейчас рассказывал...

НАДЯ (поперхнувшись). Кто?!?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Юра. Муж... Аллы.

НАДЯ. Постой. Ты что-то путаешь. Юра в Приозерске в командировке.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну если ты наш пивной бар называешь Приозерском.

НАДЯ. Вы с Юрой в пивном баре?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Выпили по бутылочке Портера. Он встретил там приятеля и остался поболтать. Сказал, сейчас домой вернется.

НАДЯ. А почему Алке ничего не известно?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А я откуда знаю? Может, сюрприз. Мне оно надо? (Сорвавшейся с места Наде.) Постой, ты куда?

НАДЯ. Я к Алле, на минутку!

Павел Андреевич вскакивает и продолжает поиски.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот они, милые билетки. Пропустить такое шоу? Ни за что на свете!

Прячет билеты в карман. Садится, продолжает есть. Входят Надя с Аллой.

АЛЛА. Павел Андреевич, здравствуйте.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (приподнявшись, вежливо кланяется). Здравствуйтесь, Алла Сергеевна.

АЛЛА. Это правда, что мой муж приехал? Но почему без звонка? Без...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да вы не волнуйтесь, Алла Сергеевна. Это сюрприз. Он сию минуту будет здесь.

АЛЛА (хватаясь за сердце). Ой!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что с вами?

АЛЛА. В сердце... кольнуло.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (Наде). Чайник свистит.

НАДЯ. Забыла! (Убегает на кухню.)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (многозначительно). Ну, здравствуй, Аллочка.

АЛЛА. Здравствуй, Пашенька. Как наш театр?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Билетки-то вот они. А как наш муж, который приехал неожиданно?

АЛЛА. Ну и что. Он же знает, что у меня сегодня дежурство. А я подменилась.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так значит в шесть, в скверике? где всегда?

АЛЛА. Где всегда. (Наде, которая входит с чайником.) Надюш, можно тебя на минуту? Она сейчас вернется, Павел Андреевич.

В квартире Аллы.

АЛЛА. Надька, забирай немедленно Джека.

НАДЯ. Ты что смеешься, Алка? Что значит забирай? У меня Павел. Он меня убьет.

АЛЛА. Ты понимаешь, что сейчас Юрка будет здесь. Чей Джек? Мой или твой? Забирай немедленно!

НАДЯ. Постой, я соображу. Есть одна идея, только не горячись, Аллочка. Давай скажем Павлу... Давай перевернем ситуацию.

АЛЛА. Как это перевернем?

НАДЯ. Давай скажем ему, что это твой Джек, то есть любовник. Что ты влипла и тебя надо выручить. Пусть, мол, пока у нас побудет. Юрка-то неожиданно приехал.

АЛЛА. Ну ты и хитрая баба.

НАДЯ. Жизнь научит.

АЛЛА. Нет. Я не могу.

НАДЯ. Но почему?

АЛЛА. Потому что не хочу. Не хочу, чтобы хороший человек Павел Андреевич, плохо обо мне думал.

НАДЯ. Ты не права, Алла, мы должны помогать друг другу. Женская солидарность и все такое прочее. В борьбе с мужчинами мы должны объединиться в единый кулак и сжать его так, чтобы...

АЛЛА. Я сказала: нет.

НАДЯ. А ты еще не мерила платье, которое я тебе дала.

АЛЛА. Нет еще, а что?

НАДЯ. Я тебе его дарю.

Пауза.

НАДЯ. Что молчишь?

АЛЛА. Ты дьявол. От платья я отказаться не смогу. Прости,

Павел Андреевич.

НАДЯ. А при чем тут он?

АЛЛА. Я падаю в его глазах.

НАДЯ (иронично). Зато в каком красивом платье. Ну, я пошла.

Выходит на площадку. Путь ей преграждает Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Наденька, непостижимо. Таинственно. Мистика!

НАДЯ. Что такое, Софья Львовна?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Прихожу домой и нахожу чьи-то мужские вещи в сверточке и чемоданчик красивый. А в чемоданчике... горшочек с крокусами. Вы помните, мы сегодня про них говорили, что это самые мои любимые... И вот, как будто кто услышал, подбросил. А обнаженный человек, который мне все время видится. Ведь это все символы. Я все поняла. Спящий - это означает, что мы все непробужденные, то есть духовно неразвитые, и проводим жизнь в иллюзиях. А голый человек - это же обнаженная истина. Когда спящий проснется, он возвестит благую весть, и это будет начало нашего духовного возрождения. И начали они с меня. Вот почему мне этот знак мерцающий дан. То он есть, то его нет. Они наблюдают за мной. Они скоро спустятся ко мне.

НАДЯ. Ну и прекрасно, Софья Львовна, я рада за вас. А... поспать не хотите?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Какой сон? Я вообще больше спать не буду. Я буду готовиться к их приходу.

НАДЯ. Я рада за вас.

Уходит к себе. Павел Андреевич наслаждается шампанским, вкусной едой и предстоящим походом в театр.

НАДЯ. Павлик, у Аллы случилось несчастье.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (насторожившись). Что за несчастье?

НАДЯ. Беда. Она попала... В общем, один хороший человек заснул в ее кровати. Нечаянно.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (хорошее настроение испарилось). Нечаянно заснул? Что за чушь? Как можно нечаянно заснуть в... Это мужчина?

НАДЯ. Была бы женщина, я бы к тебе не обращалась. Только ты не горячись.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Как не горячиться! Мужчина в чужой кровати!

НАДЯ. Да ты-то здесь при чем? Кровать-то не твоя.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (поостыв). Не моя. Пусть не моя. А мне за мужской пол обидно. Это любовник?

НАДЯ. Ну и что? Ну, любовник. Что ты так кипяتيشся?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Любовник? Любовник в постели моей... моей соседки! Моего соседа Юры. Да я обязан... обязан...

НАДЯ. Ты обязан помочь женщине в драматической ситуации. Это долг каждого порядочного человека. У нее есть муж и семью надо спасти. Потому что семья - навеки, а любовник - это только эпизод.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (теряя голову). Эпизод? Эпизод? Ты хочешь сказать, что я... (Осекся.) А я не понимаю, почему он в постели? Ему что, трудно оттуда выбраться?

НАДЯ. Было бы не трудно, выбрался бы без тебя.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Не понимаю. Он что там - застрял? Ему там что-нибудь прищемило?

НАДЯ. Павел, не груби. Его надо вытащить и перенести к нам.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что-о?! Как ты сказала?! Перенести к нам? На руках? Может, еще самолет прикажете ему доставить? Эскалатор построить?

НАДЯ. Пойми: он спит мертвым сном.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ах да, я совсем забыл, что когда любовники спят, а мужа неожиданно и некстати приходят, то любовника нужно бережно, нежно, стараясь не

потревожить, перенести на руках из одной постели в другую, еще не занятую этим любовником.

НАДЯ. Павлик, он наглотался снотворных таблеток и заснул. Его пушками не разбудишь. Пусть у нас поспит. Проснется и уйдет. Делов-то!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну, Алла Сергеевна, ну, тихоня. Таблеток наглотался! Он еще и наркоман. Ну, Алла! Не ожидал! Не ожидал! (Бьет в ярости по десертному столу ногой.)

НАДЯ. Правильно! Круши все в доме. Сломал стол.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (видя откатившееся колесо). И вправду сломал. Ну Алла Сергеевна.

НАДЯ. Так ты согласен? Я скажу, что можно?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Но-но-но! Никаких любовников в моем доме!

НАДЯ. Ну, это уже насилие.

Звонок в дверь. Надя открывает. Вбегает возбужденный Семен Семеныч.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Война, товарищи дорогие! Дамы, извините за выражение, и господа, война!

НАДЯ. Какая война, Сим-Сим?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Только что по радио объявили.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Опять? Что, снова Чечня?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Нет, с этой ... на букву М.

НАДЯ. С мафией?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Нет, с этой... забыл, матушка родимая...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Молдавия?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Да нет же. Москва. Вот!

НАДЯ. Да кто на кого?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Мы - на них! Поход на Москву. Не слышали? Начался. Великий поход. (Тычет пальцем в Павла Андреевича.) Ты записался добровольцем?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я нет. Я невоеннообязанный.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. В черный список. Всех, кто не пошел в поход - в черный список.

НАДЯ. Да это же всю страну надо в черный список. Какой список будет?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. У большевиков бумаги хватит!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ты спутал, батя, это вы раньше были большевики, а теперь меньшевики.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Это пока. А потом опять будем в большинстве.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да уж знаем как это делается: каждого второго к стенке.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ (грозно). А вы против?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я не против. А вот скажи-ка, Сим-Симыч, когда в постели твоей любо... то есть твоего соседа любовник, оказывается, к чему это?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. К революции. Любовник - это результат вашей, извините за выражение, либеральной политики, ваших, простите мне это слово, демократических игр. Развалили страну, развалили семью. Населили ее любовниками. И вот вам результат: сексуальная революция!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Значит не надо любовников?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Надо. И чем больше, тем лучше. Для совершения гигантского революционного скачка. Социальная революция невозможна без сексуальной! Ладно, побегу телевизор смотреть. Сейчас выступать будут. (Убегает.)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ты что-нибудь поняла?

НАДЯ. Да. Любовника надо срочно переносить, иначе не будет революции, и мы окажемся в хвосте Европы. Павел, ты прогрессивный человек. Неужели ты хочешь плестись в хвосте?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Запутали вы меня. Несите.

НАДЯ. Перенести-то сможешь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Дудки! Сами тащите. Пусть у вас все треснет!

НАДЯ. Не треснет. Мы привыкшие.

Убегает, звонит Алле. Та открывает.

АЛЛА. Ну что?

НАДЯ. Порядок. Потасили.

Вытаскиваю спящего. Но снова, как только они на середине, на их этаже останавливается лифт. Они бросают Олега и убегают в комнату Аллы. Двери лифта открываются, из него выходят пьяненькие, но бережно поддерживающие друг друга Васек и Любанька. Увидев лежащего останавливаются.

ЛЮБАНЬКА. Васек, ты понял? Он нас ждет.

ВАСЕК. Мы же обещали. Сейчас стаканчик опрокину и перенесу. Мы своих в обиду не даем. Все будет как у папы Карлы, понял? Ты папу Карлу знаешь? Ты Буратину читал?

ЛЮБАНЬКА. Читал он, читал.

ВАСЕК. Не-е, по глазам вижу не читал.

ЛЮБАНЬКА. Да как же ты по глазам видишь, когда они у него закрыты.

ВАСЕК. Душевная ты женщина, Люба, но баба глупая. Потому-то он и не читал, что глаза у него закрыты. Как можно с закрытыми глазами книжки читать? То-то. Пойдем выпьем, дуреха.

Уходят к себе. Выбегают женщины, хватают спящего и затаскивают его в квартиру Нади. Кладут на диван.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (хмуро). Он?

НАДЯ. Он.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (подходит к спящему, вглядывается в него). Хорош наркоман. Балдеешь?!

Хватает его за шею, пытается задушить. Женщины с трудом оттаскивают его от Олега.

НАДЯ. Тебе надо освежиться. (Убегает на кухню.)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (укоризненно). Ну, Алла. Спасибо. Я все знаю, бессовестная ты женщина.

АЛЛА. Вы ничего не знаете. Я вам объясню.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Видеть тебя не могу. (Показывает ей кукиш.) Вот тебе театр! Вот! Не-на-ви-жу!!!

Входит Надя с бутылкой Пепси.

НАДЯ (пародируя рекламу). Дикая бодрость! Прикинь!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (залпом осушив бутылку). Надя, я приглашаю тебя в театр!

НАДЯ. Вот это да! Что за чудо это пепси! Узнай секретную формулу!

Всхлипнув, Алла покидает квартиру и убегает к себе.

НАДЯ. Мог бы быть и поделикатнее. Видишь, девушку расстроил. Пойду успокою. (Уходит.)

Часть третья

Действие переносится в квартиру Аллы.

АЛЛА. Ты должна объяснить ему, что это не мой Джек.

НАДЯ. Как я это объясню?

АЛЛА. Как хочешь. С какой стати я должна страдать? Ты бы видела, КАК он на меня посмотрел, когда приглашал тебя в театр. Как на проститутку.

НАДЯ. Да успокойся. Он на всех так смотрит.

АЛЛА. Иди и объясни. А не пойдешь - так пойду я. И сама все скажу. Выбирай.

НАДЯ. Вот она дружба: я тебе платье подарила, а ты - мою семью разрушаешь.

АЛЛА. Ну ты даешь! Я разрушаю? Чей это любовник!

НАДЯ. Ну ладно, не кричи. Попробую что-нибудь придумать.

Входит Юра. Он ни секунды не стоит на месте. Все время приплясывает, подпевает сам себе, подпрыгивает.

ЮРА. А вот и я, крошка!

АЛЛА. Явился не запылится! Почему не позвонил?

ЮРА (Делает в ответ сложное танцевальное движение). Парабута-ба. Ша-ша! Вот почему!

АЛЛА. Все танцуешь?

ЮРА. Танцы и диета - путь к вечной молодости! (Смотрит на часы.) Кстати, а ты почему не на работе?

АЛЛА. Сейчас уйду. Признавайся: всех приозерских баб перещупал?

ЮРА. Как говорят французы: се ля ви! Что означает: всех приозерских баб не перещупаешь, но к этому надо стремиться. (Стелует.) Та-та! Та! Та-та! И вообще, не ходите, тетки, в Африку гулять. Где мои треники, Алка? Мне надо разогреться. (Уходит в свою комнату.)

АЛЛА. Надька, полная и окончательная реабилитация. Поняла?

НАДЯ (вздыхнув). Поняла. Пойду... виться ужем пред грозным мужем.

АЛЛА. Я с тобой. Хочу убедиться.

Уходит к Наде. Павел Андреевич, увидев Аллу, демонстративно от нее отворачивается.

Алла красноречиво смотрит на Надю. Та театрально вздыхает.

НАДЯ. Павел... Я должна сделать важное сообщение.

Пауза.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну?

НАДЯ. В общем, Алла не виновата. Это не ее любовник.

АЛЛА. Это правда, Павел Андреевич.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Сговорились, две змеи?

НАДЯ. Да нет же. Она чиста, как слеза ребенка.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Слезка, говоришь? (Подходит к спящему.) А это чья слезка? (Откидывает простыню.) Да он же голый! Как же он оказался в ее постели?

АЛЛА. Мне его подбросили.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Подбросили! (Наде.) Может быть, в мое отсутствие тебе тоже подбрасывают что-нибудь подобное?! А почему же мне голых баб никто не подбрасывает?! А?! Подбросили ей! (Теряет над собой контроль.) Да у меня на таких подбрасывателей... радикальное средство найдется.

Снимает со стенки духовое ружье, кидается к столу, выдвигает ящичек, хватается коробку с патронами, вкладывает пулю. Наставляет ружье то на одну, то на другую женщину.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Так чей это любовник?

АЛЛА. Надька, говори!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ах, Надька говори? Надька все знает? (Направляет в ее сторону ружье.) Так значит твой?

НАДЯ. Ай! Пашенька!

Павел Андреевич стреляет, промахивается, снова стреляет. Промех. Надя мечется по комнате, уклоняясь от пуль. Алла застыла, парализованная страхом. Входит Юра.

ЮРА (Алле). Что случилось?

АЛЛА. Он Надьку застрелить хочет. Юра помоги.

ЮРА. Понял. Сделаем.

Берет утюг, танцующими движениями подкрадывается к увлекшемуся стрельбой Павлу Андреевичу и наносит ему удар по голове. Тот падает без сознания на диван рядом с Олегом.

ЮРА. Где мои треники?

АЛЛА. В шкафу, в нижнем ящике.

ЮРА. Ты когда уходишь?

АЛЛА. Сейчас.

ЮРА. Давай быстрее. Мне готовиться к выступлению. (Уходит.)

НАДЯ. Смотри, какие смирные. Двойняшки.

Входит Софья Львовна. Как замороженная, на цыпочках подходит к дивану, вглядывается в лица лежащих мужчин.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Их уже двое?

НАДЯ. Ой! Софья Львовна, испугали. Вы про кого?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Они. Их теперь двое?

НАДЯ (подмигнув Алле). Софья Львовна, здесь никого нет.

АЛЛА. Про кого вы говорите?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Понимаю. У меня это продолжается. Но Павел Андреевич...

НАДЯ. Павел Андреевич ванну принимает перед посещением театра. Может вам врача вызвать?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Спасибо, Надюша, я и так уже с перепугу милицию вызвала.

Уходит. Павел Андреевич очнулся.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (хмуро потирая голову). Алла, оставьте нас одних, пожалуйста. Нам с женой переговорить надо.

Алла уходит.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (оглянувшись на диван). А этого... я здесь не оставлю.

Пытается взвалить на себя Олега, но тот крупнее и Павлу Андреевичу с ним не справиться.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ладно, пусть пока полежит. Но ты должна мне все рассказать и попробуй меня надуть.

Лестничная площадка. Выходят Любанька и Васек.

ВАСЕК. Вот теперь, милый я тебя одной левой перенесу. Где ты? Любка, где он?

ЛЮБАНЬКА. Не знаю. Может, от ментов на чердак спрятался? Пойдем поищем.

ВАСЕК. Пойдем. Мы наших в обиду не дадим.

Поддерживая друг друга, лезут на чердак. Некоторое время площадка пуста.

Появляются два милиционера.

1 МИЛИЦИОНЕР. Кажется, здесь.

2 МИЛИЦИОНЕР. Дом тридцать восемь, последний этаж. Все правильно. Звони.

1 Милиционер звонит к Шегловым. Дверь открывает Надя.

1 МИЛИЦИОНЕР. Вызывали?

НАДЯ. Вас? Нет.

1 МИЛИЦИОНЕР. Как же нет, когда был вызов. Вы что, издеваетесь? Взрывов не боитесь? Кругом - террористы.

Звонит в дверь к Аксеновым. Выбегает приплясывающий Юра.

ЮРА. Менты? Чего надо?

Милиционеры переглядываются.

2 МИЛИЦИОНЕР. Вы что делаете?

ЮРА. Разогреваюсь.

Увлеченно степенет. Завершая чечетку, наступает на ногу 2 милиционеру.

1 МИЛИЦИОНЕР. Пройдемся-ка с нами, попрыгунчик.

Хватают Юру под руки, волокут к лифту. Тот вырывается, кричит. Надя бросается к двери Семен Семеныча, барабанит в нее. Выскакивает Семен Семеныч.

НАДЯ. Семен Семеныч, Юру забирают.

ЮРА. Спаси, Сим-Сим, невинного!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Вот они, плоды вашей демократии! С автоматами на смирных людей! Войны все проигрываете, а граждан своих под автоматы?

2 МИЛИЦИОНЕР (Юре). Извините, ошиблись.

Бросают Юру, хватают Семен Семеныча.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Зарплаты по полгода не выдают, а таких мордоворотов на какие деньги содержат?!

Вырывается, ему помогает Надя и выбежавшая на шум Алла. Юра приплясывает безмятежно рядом. Ему не удастся какое-то особо трудное движение. Выходит Павел Андреевич с бутылкой вина. Сделав несколько глотков прямо из бутылки, хватается за руку Надю.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Нет, ты не увиливай, ты объясни мне, чей это любовник!

1 МИЛИЦИОНЕР (отреагировав на его появление, Семен Семенычу.) Извините, ошибка вышла. (Павлу Андреевичу.) А вот вы, господин с бутылочкой...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я?

2 МИЛИЦИОНЕР. Вы, вы. Пройдемте с нами.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (сделав добрый глоток из бутылку и показав кукиш милиционерам.) Пройдемся? А может, еще и пробежимся? Ишь, крепыш какой выискался. Боровичок. А фуражке не тесно на этой головке? Головка не бо-бо?

Сшибает фуражку с головы 1 милиционера. Тот проводит молниеносный прием м Павел Андреевич летит на пол.

Общая свалка, смятение. Юре наконец-то, удается движение. Он визжит от радости и многократно его закрепляет. Выходит Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Стойте! Остановитесь! Что вы делаете?! Люди?!

Свалка прекращается.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. За мной сейчас придут, а вы ведете себя как звери!

1 МИЛИЦИОНЕР. Кто придет?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА Они. Оттуда.

Указывает пальцем вверх. И - словно ее услышали - с чердака раздается пение: "Зайка моя, я твой пупсик!" и на лестнице появляется опьяневший Васек. Никого не замечая он спускается, срывается с лестницы и падает прямо под ноги милиционерам.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ах, я ошиблась. Это не за мной.

Уходит к себе. Павел Андреевич, схватив Надю за руку, уводит ее.

ВАСЕК (подняв голову, кричит). Любка, менты! Атаc! Атаc!

Резво вскакивает, бросается к своей комнате и уже почти было забежал в нее, но его настигают милиционеры.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. А ордер? Где у вас ордер? Васька, требуй ордера!

ВАСЕК. Ордена! Я требую ордена!

2 МИЛИЦИОНЕР. Может тебе еще и звезду?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Вы его на квартире взяли.

ВАСЕК. Да. Я был дома.

1 МИЛИЦИОНЕР. Не дома, а на площадке.

ВАСЕК. Нет дома. Голова уже дома была.

2 МИЛИЦИОНЕР. Голова не считается. Ноги важнее. А ноги твои были здесь. Вот свидетели.

ВАСЕК. Сим-Симыч.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ничего не поделаешь. Раз ноги важней, то все по закону. Ноги - это ноги. На них, брат, стоят!

Милиционеры уводят Васька. Семен Семеныч уходит к себе. Алла пытается увести Юру, но тот закрепляет удавшееся ему движение.

ЮРА. Иди, сейчас приду.

С чердака спускается Любанька.

ЛЮБАНЬКА. Забрали Васька?

ЮРА. Забрали.

ЛЮБАНЬКА. А того?

ЮРА. Кого?

ЛЮБАНЬКА. Который к нам полз?

ЮРА (не прерывая танца). А он к вам полз?

ЛЮБАНЬКА. Ну да.

ЮРА. Ну так он обратно уполз. Ча-ча. Шаб-а-ту-ба! Оп-ля!

ЛЮБАНЬКА. Жалко.

Скрывается в своей комнате. Юра остается один и завершает свой танец сильными ударами ног, упав на колени.

В это же время двери лифта открываются, и из него выходит Оля.

ОЛЯ. Класс! Ты меня встречаешь?

ЮРА (вскочив с колен и прижав палец к губам). Чш-ш! Она еще не ушла.

ОЛЯ. Но ты же сказал в пять. Я точно как английская королева.

ЮРА. Мы не в Англии, крошка. В России точность может навредить. Она задерживается.

ОЛЯ. Может подозревает?

ЮРА. Исключено. Какие-то другие обстоятельства. Подожди минут десять, хорошо?

Уходит к себе. Оля пожимает плечами, достает из сумочки сигарету, ищет зажигалку. Из квартиры Щегловых доносится ругань, дверь открывается, выходит Надя.

НАДЯ. Я же сказала: объясню.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Куда направилась?

НАДЯ. К Алле. Сейчас приду.

Павел Андреевич в сердцах хлопает дверью. Надя направляется к двери Аллы.

ОЛЯ. Простите, у вас спичек не найдется? Зажигалку куда-то дела.

Надя, вытащив из кармана зажигалку, дает Оле прикурить. Смотрит на нее изучающе.

ОЛЯ. Большое спасибо.

Направляется к лифту, нажимает кнопку. Ждет.

НАДЯ. Извините. Можно вам задать вопрос?

ОЛЯ. Конечно.

НАДЯ. У вас есть время?

ОЛЯ. Вообще-то, я здесь по делу.

НАДЯ. Вы не могли бы мне уделить минут десять?

ОЛЯ. Десять могу. А что нужно?

НАДЯ. Помочь мне.

ОЛЯ. Охотно. Ольга.

НАДЯ. А я Надежда. Очень приятно. Понимаете, Ольга, я... Даже не знаю, как сказать.

ОЛЯ. Говорите как есть. Без церемоний. Я пойму.

НАДЯ. Ну и отлично. Оля, я попалась. Муж неожиданно вернулся, а я... я его не ждала. Понимаете?

ОЛЯ. Понимаю. Мужчина. Теперь идет допрос, вы слышали. Вы не могли бы сказать, что это ваш муж.

ОЛЯ. Этот мужчина?

НАДЯ. Да.

ОЛЯ. Но каким образом? Как он у вас оказался?

НАДЯ (воодушевляясь). Сейчас соображу. Значит так: вы пришли ко мне в гости со своим мужем.

ОЛЯ. То есть, с этим мужчиной?

НАДЯ. Да. Ему стало плохо, и он выпил лекарство, но в суматохе перепутал таблетки и принял снотворное.

ОЛЯ. Фантастика!

НАДЯ (улыбаясь). Увы, реальность. Итак, выпил, заснул, спит. А вам понадобилось срочно уйти.

ОЛЯ. А куда? И почему срочно?

НАДЯ. Хороший вопрос. Сейчас пораскинем мозгами: вот! На Юдашкина. В Дом Мод. На весенний показ моделей. Супершоу.

ОЛЯ. Это интересно. И я ушла?

НАДЯ. А вы бы отказались, если бы у вас был пригласительный билет?

ОЛЯ. Конечно, нет.

НАДЯ. Ну вот.

ОЛЯ. Я согласна: называйте имена.

НАДЯ. Моего мужа зовут Павел, Павел Андреевич. А моего мужчину, то бишь вашего мужа - Олег.

ОЛЯ. Нет проблем. Я готова.

НАДЯ. Три, два, один: пуск!

Оживленно переговариваясь, рука об руку, как две школьные подруги, входят в комнату.

НАДЯ (Оле). Вот он мой Отелло. Мой обожаемый тиран.

ОЛЯ. А-а, так это и есть легендарный Павел Андреевич? Очень приятно. А я - Оля.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (Наде, грубовато). Кто это?

НАДЯ (Оле). Каков?

ОЛЯ. Я его таким и представляла. Мужчина в моем вкусе. Настоящий полковник! Надя мне так много о вас рассказывала, Павел Андреевич. А мой... все еще спит?

НАДЯ (кивнув на спящего). Так и не просыпался.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ничего не понимаю.

НАДЯ. Я же обещала, что все объясню. Оля - жена того самого человека, который спит.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот как? А где же эта жена была раньше?

НАДЯ. Мы с Олей познакомились в доме моделей. Я пригласила их с мужем в гости. Сегодня они пришли. У Олега - мужа Оли - разболелась голова. Я приготовила панадол, а Софья Львовна его утащила. А Олег выпил снотворное, которое я приготовила для Софьи Львовны. И вот он спит уже полтора часа. Ясно?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (обдумав сказанное). Хорошо. Но ... почему он оказался у Аллы?

ОЛЯ (давая время Наде придумать ответ). Мы с мужем хотели пойти на дневной сеанс, весеннюю демонстрацию моделей. И надо же, незадача: он заснул. А я не могла пропустить такое грандиозное шоу для женщин, у меня пригласительный билет, вот я и попросила вашу Надю с ним посидеть, пока он не проснется. Я понимаю, это не очень корректно, но...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (строго). Но почему он у Аллы?

НАДЯ. А потому, мой ненаглядный ревнивец, что ты неожиданно появился дома. А я не хотела тебя травмировать и попросила Аллу на время перенести его к ней.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А правду сказать не могла?

НАДЯ. Правду? А ты бы поверил? Вот ты представь: ты пришел. Я одна, на кровати спит раздетый мужчина... А?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я бы вас обоих сразу застрелил.

НАДЯ. Ну вот. А я поступила дипломатично. И теперь, когда есть прямые доказательства (дружески подмигивает Оле), я и говорю правду.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Это совсем другое дело. Но только ... но почему он голый?

ОЛЯ. Голый? А разве он голый?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да. Не раздетый, а именно голый.

ОЛЯ. Это для меня новость. Когда я уходила, он был одетый.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (довольный своими сыскными способностями Наде). Что скажете, мадам?

ОЛЯ. Уж не приревновать ли мне его к вам, Надя? Я вам так доверяла.

НАДЯ. Успокойтесь оба. Оля, ты разве забыла? Вы сами сказали, что у вас отключили горячую воду?

ОЛЯ (хлопнув себя по лбу). Бог мой! Ну конечно, он же изъявил желание помыться.

НАДЯ. Не только изъявил, но и полез в ванну. А уже в ванной заснул. Потому и голый.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А если он заснул в ванной, то кто его оттуда вытаскивал?

НАДЯ. Я.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Голого?

НАДЯ. С Аллой.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (взрываясь). С Аллой? И вы на него смотрели?

НАДЯ. Нет. Мы с закрытыми глазами. На ощупь.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что-о?!!

НАДЯ (зажав уши). Тише! Ты перепугаешь бедную женщину.

ОЛЯ. Правда. Послушайте, как бьется мое сердце. (Кладет руку Павла Андреевича себе на грудь.) Это от испуга.

НАДЯ. Оля, попрошу без эротики.

ОЛЯ. Мужчину может успокоить только эротика.

НАДЯ. Моего мужчину эротика возбуждает.

ОЛЯ. Счастливая. Моего эротика усыпляет.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы лучше дайте его одежду.

НАДЯ. Одежду? А его одежды нет.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что значит нет? Он что, к нам в гости пришел без одежды? Что, в мой дом уже можно ходить без штанов?!

НАДЯ. Павлик!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Одежду! Я требую одежду!

НАДЯ. Тебя бы сейчас на митинг к Шарикову, то есть к Ампилову. С таким голосовыми данными ты стал бы его любимчиком.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Одежду! Одежду!

НАДЯ. Да не кричи. Нету одежды. Пропала. Ее украли.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Что за чушь? Кто мог украсть одежду?

НАДЯ. Они.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Кто они?

НАДЯ (показывая вверх). Они.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (озадаченно). Они?

НАДЯ (с глазами кающейся Магдалины, устремленными к небесам). Они.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Как ты себя чувствуешь, Надя? Оля, вам не кажется, что ей плохо?

ОЛЯ (вглядываясь в лицо Нади). С таким выражением лица, Павел Андреевич, плохо не бывает. С таким выражением бывает только очень хорошо.

Павел Андреевич пытается воспроизвести выражение лица супруги, но у него не получается. Входит Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Павел Андреевич, Надя! (Оле.) Здравствуйте. Скажите, друзья, какое платье мне лучше надеть: белое длинное или черное, строгое? Черное меня стройнит.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Черное.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Спасибо. (Уходит, но возвращается.) Но белое не лучше?

НАДЯ. Лучше.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Я тоже думаю белое. (Уходит, но возвращается.) Но черное отвечает цвету чемоданчика, а ведь это символ.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Какого чемоданчика?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Сказал же: надевайте черное.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Спасибо. (Уходит, возвращается). Но цвет крокусов - белый. А это тоже символ. А вот одежда и черная и белая. Рубашка белая, а брюки - черные.

НАДЯ. Одежда?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ну да. Мне ее подкинули и чемоданчик этот.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Кто подкинул?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Они. (Смотрит умильным взглядом на потолок. Неожиданно подпрыгивает и убегает.)

НАДЯ. Я же говорила тебе: они!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (подпрыгнув). Они! Они! Они!

ОЛЯ. Простите, Павел Андреевич. Мы вам доставили столько хлопот.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Пустяки. Это приятный хлопоты. (Подозрительно смотрит на потолок.) Значит, Алла ни в чем не виновата. А я ее обидел.

НАДЯ. А меня? Кто в меня из ружья палил?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (виновато). Ну-ну, целуй в моську.

Примирительный поцелуй. Входит Алла. Павел Андреевич бросается к ней. Оля и Надя за его спиной оживленно шепчутся, довольные своей проделкой.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (целуя ей руки). Аллочка, простите нехорошего дядю! Вы невинны, а я - злодей. (Шепотом.) Увы, я пригласил жену в театр.

АЛЛА (шепотом). Жаль. У меня пропадает такой вечер!

Втанцовывает теряющий терпение Юра.

ЮРА. Алка, ты уйдешь сегодня? Тебе уже с работы звонили!

АЛЛА (обреченно). Ухожу.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Я провожу.

Выходят.

НАДЯ. Юра, можно тебя на минутку? Я хочу вас познакомиться.

ЮРА. Да. (Увидев Олю, замирает.)

НАДЯ. Стойку сделал? Понравилась? Классная женщина. Это Оля.

ЮРА (кланяясь). Очень приятно. Юрий.

НАДЯ. Оля - жена вон того человека, который спит.

ЮРА (склоняясь до полу). Еще приятнее. А... долго он спать будет?

ОЛЯ (с улыбкой). Ждем-с.

Возвращается Павел Андреевич.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Юра, твоя жена ушла на работу.

ЮРА (красноречивый взгляд в сторону Оли). Ушла? Это хорошо.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (тяжело вздохнув). Что ж хорошего? Билеты вот пропадают.

НАДЯ. Что значит пропадают? Ты пригласил меня в театр или мне послышалось?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Да пригласил, пригласил... Только вот... У нас гости.

Все смотрят на безмятежно спящего Олега.

ОЛЯ. Надо что-то придумать.

НАДЯ. Юра, а ты не очень занят?

ЮРА (взглянув на Олю). Свободен.

НАДЯ. Вот здорово! А ты не мог бы взять его (кивнув на спящего) к себе? Пока он не проснется? А Оля с ним посидит.

ЮРА. Ну если Оля посидит. Тогда... (Красноречиво степенет.)

НАДЯ. Следует понимать как да?

Юра отвечает чечеткой.

ОЛЯ. Как вы здорово танцуете. А не могли бы вы, пока мой спит, научить меня танцевать?

ЮРА. Ноу проблем. Ноги есть?

Оля соблазнительно приподнимает край платья, оголив стройные ножки.

Юра реагирует экстатическим степом. Присутствующие аплодируют.

НАДЯ. Ну-ка, мальчики, приподняли нашего соню и понесли.

Мужчины переносят Олега в квартиру Юры. В то время, как они его переносят, из своей комнаты выглядывает Любанька и увидев эту сцену, грозит им пальцем.

ЛЮБАНЬКА. Обманщик Юрка! Сказал, что уполз, а сами его схватили! Ну погодите, Любка отомстит! Любка за своих - ух! Попомните Любку-то!

Скрывается у себя. На площадку выходит Софья Львовна, красиво одетая, причесанная, торжественная. Садится на стул. Ждет, напевая что-то духовное. Из комнаты Юры выходит

Павел Андреевич. Увидев Софью Львовну, недоуменно на нее смотрит.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вам хорошо, Софья Львовна?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Не то слово: умиротворенно. Наконец, успокоилась и жду.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (кивнув на потолок). Их?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Их.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Придут?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Придут.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Ну ждите.

Уходит. Выходит Любанька.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Люба, ну почему вы так неряшливы? Ведь сейчас явятся они, увидят такое безобразие

ЛЮБАНЬКА. Это вы правду говорите: явятся. Сама вызывала.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. А у нас здесь, как в хлеву. Им это может не понравиться.

ЛЮБАНЬКА. А я сейчас уберу.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Ну вот видите, Любочка, я знала, что мои слова на вас подействуют. У меня вера, духовность. Она не может не подействовать. Дайте я вас обниму и поцелую, как на пасху. (Обнимаются.) Во имя духовности. Во имя Любви. Если мы все будем любить, то спящий проснется. Ты веришь, что спящий человек может проснуться?

ЛЮБАНЬКА (сквозь слезы). Верую.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Почему же ты плачешь?

ЛЮБАНЬКА. А плохо в вытрезвителе просыпаться.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. В вытрезвителе? Ты, наверное, имеешь в виду духовный мир? Конечно, духовный мир - это вытрезвитель. А знаешь что, Люба, я пожалуй, принесу крокусы. Это будет мой пароль. Когда Они явятся, то сразу узнают, что это я. Надо бы еще свечки и иконку. И оденься, Люба, понаряднее. Ты же красивая женщина.

ЛЮБАНЬКА (всхлипывая). Хорошая вы женщина, душевная.

Расходятся по своим квартирам. Выходят Надя и Оля, звонят в дверь к Юре.

ЮРА (открыв). А-а, тетки. Прошу вас. (Оле, иронично.) А ваш супруг все еще изволит почивать.

НАДЯ. Юрочка, огромное тебе спасибо, выручил. (Оле.) А вам особое спасибо. Век буду благодарна. (Уходит к себе.)

ЮРА (закрыв за ней дверь, Оле). Что за маскарад? Какой еще к черту муж? Я тут жду не дождусь...

ОЛЯ. Это такая комедия. Я тебе сейчас расскажу.

ЮРА. Нет времени на басни. (Страстно на нее набрасывается.)

ОЛЯ. А поговорить?

ЮРА. Говорить? А чего говорить? Мы же не в джунглях. Я не Бармалей какой, чтобы разговаривать. (Раздевает ее.) Давай, помогай мне.

ОЛЯ. Но... ты обещал поучить меня танцевать.

ЮРА. Лезь в кровать. Там научимся. (От его толчка Оля летит на кровать. Юра любуется ее ногами.) С такими ножками и танцевать не надо. Только покажи и все мужчины сами в пляс пустятся.

Включает магнитофон. Звучит завораживающая космическая композиция Китаро в исполнении Калифорнийского симфонического оркестра.

ОЛЯ. Ой! Здесь этот, который спит.

ЮРА. Да наплевать, что он тебе мешает?

ОЛЯ. Да шторы хотя бы задерни.

ЮРА. Ты доиграешься: я тебя изнасилую.

Бросается на Олю.

Некоторое время на кровати происходит хаотичная возня, потом возня становится более гармоничной, ритмичной. Вдруг Юра вскрикивает.

ЮРА. Ой! Черт побери! Слушай, киска, ты полежи пока без меня, а я...

ОЛЯ (недоуменно). А что случилось?

ЮРА. Ты видела атлантов?

ОЛЯ. Конечно. Небо на плечах держат.

ЮРА. Что небо. Они по три литра пива удержать могут. Так вот я - не атлант.

Убегает. Оле становится скучно, она приоткрывает простыню, в которую завернут Олег.

ОЛЯ. Эй ты, в коконе. Ты бабочку не превратишься?

Из свертка высовывается голова Олега.

ОЛЯ. Ой! Ты кто? Ты... Олег?

ОЛЕГ. Оля? Оля, это ты?

ОЛЯ. Боже мой! Олег! Как ты меня напугал!

ОЛЕГ. Голова какая тяжелая. А почему ты? Ведь должна быть...

ОЛЯ. Что ты здесь делаешь? Как ты здесь очутился?

ОЛЕГ. Подожди-ка, а что ты здесь делаешь?

ОЛЯ. Нет сначала ты.

ОЛЕГ. Я? (Оглядывается.) Но я здесь в первый раз.

ОЛЯ. Клянусь тебе, я тоже.

ОЛЕГ. Кажется я заснул, сон был долгий, тяжелый. А теперь, когда проснулся...

ОЛЯ. Проснулся? Ты уверен, что проснулся?

ОЛЕГ. Ты хочешь сказать, что я еще сплю?

ОЛЯ. Ну да. И я. Видишь, ты обнаженный.

ОЛЕГ. И ты.

ОЛЯ. Это не мы, Олежек. Это - наши с тобой души. Нагие, как правда.

ОЛЕГ. Души? Да-да. Те самые души, которые покидают тело во время сна и уходят в астрал. Так мы в астрале?

ОЛЯ. Ну конечно. Ты слышишь, какая чарующая музыка?

ОЛЕГ. Это поют звезды?

ОЛЯ. Это танцуют кометы.

ОЛЕГ. В астрале. Значит со мной это произошло. Духовный рост! Я продвинулся!

ОЛЯ. И я тоже.

ОЛЕГ. Душа моя, тогда здесь, в этой чистой атмосфере я должен сказать тебе всю правду. Я...

Увлеченно танцуя, появляется Юра.

ЮРА. Ча-ча-ча!

ОЛЕГ. Смотри, еще одна душа. Тоже голая.

ЮРА. О! Салют! Проснулся?

ОЛЕГ. А вы тоже в астрале?

ЮРА. А что не видно? Конечно, в астрале.

ОЛЯ (шепотом). Юра, вышел конфуз. Это действительно мой муж. Настоящий.

ЮРА. Нет проблем!

Взяв со стола пестик для ступки танцующими движениями подкрадывается к Олегу и бьет его пестиком по голове.

ОЛЕГ. Странно. Снова звон в ушах и колокольчики серебряные играют. А звезды танцуют и блестят.

Падает на кровать.

ЮРА. Что за дурная привычка: некстати просыпаться! Ну-ка, киска, подвинься.

ОЛЯ. Нет-нет, я так не могу. Мне стыдно. Убери его.

ЮРА (нетерпеливо). Да он смирный.

ОЛЯ. Я прошу, Юрочка, убери.

ЮРА. Такого смиренного, тихого, безобидного. О эти черствые девичьи сердца!

Взваливает спящего на плечо и выносит на площадку. Маскирует, чтобы не бросался в глаза. Убегает. На площадку выходит Софья Львовна. Следом за ней - помолодевшая, нарядная Любанька.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Любочка, это вы? (Люба смущается.) Красавица вы моя. Значит так, это - крокусы. Наш с вами пароль. А иконку сюда поставим. Зажигаем свечечки. (Поет.) Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный...

ЛЮБАНЬКА. А что у вас в чемоданчике, Софья Львовна?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Там молитва и одежда.

ЛЮБАНЬКА. А кого одевать будем?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Того, кто явится нагой.

ЛЮБАНЬКА. С нагой? С одной?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Да нет, с двумя. Он сам будет нагим. Нам истина всегда является нагой. А мы ее потом в одежды украшаем. Вот когда спящий проснется, он возвестит миру истину, и мир изменится: в нем не станет насилия, подлости и обмана. Веришь ли ты в это, Люба?

ЛЮБА (вдохновенно). Верую.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Тогда, Люба, Господу помолимся и воспоем.

Поют "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас".

Красиво звучит их духовная песнь. Двери лифта отворяются, выходят двое санитаров и Врач, все в исключительной белизны халатах. У второго санитаря в руках записная книжка.

ВРАЧ (увидев поющих, уверенно). Они, голубчики. Работаем по моей методе. Я в диссертации все описал. Без агрессии и нажима. Моя система идет от философии тантры: то есть захват через отождествление. Через растворение в больном нашей самости. Обвалакиваем больного, отождествляемся с ним, вживаемся в его образ и... перевариваем, как амеба свою жертву.

Второй санитар строчит ручкой по листам блокнота.

Ничего не отрицаем, только утверждаем. Этот процесс называется катафатическим.
Внимание: Они поют? Превосходно! Они поют, а мы им подыграем.

Вытаскивает из нагрудного кармана небольшую флейточку и, уловив мотив, наигрывает мелодию.

"Ку-ку! А вот и мы!"

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Голубчики, мы здесь.

ВРАЧ. Какие милые цветочки.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (напевая). Это крокусы.

ВРАЧ (подхватывая ее напев). Какая прелесть. Хотите у нас выращивать крокусы?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (напевая). Вы милый! Спасибо вам.

ВРАЧ (напевая). Дружочек наш, идите к нам! К нам! (Манит ее к себе.)

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (как под гипнозом, идет к нему). Вы так внимательны: ведь это мои любимые цветы. Как вы догадались?

ВРАЧ (игриво). А это наш маленький секрет.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Я люблю вас, мой ангел!

ВРАЧ (санитарам). Вы убедились, как работает моя система?

2 САНИТАР. Вы гений, Альфред Михайлович! Как это тонко!

ВРАЧ. Ну-ну, без лести, молодой человек. Гениев много, а я - один.

Галантно предлагает руку Софье Львовне и направляется с ней к лифту.

Вбегают Семен Семеныч.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Всем оставаться на своих местах!

ВРАЧ (голосом охотника, почуявшего дичь). А вот это уже экземпляр поинтересней. За версту чую: уникальный псих.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Слава... КПСС!

ВРАЧ (торжественно санитарам). А? Я прав?

Санитары бесшумно аплодируют.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Перед тем как умереть, хочу закричать на весь мир!

ВРАЧ. Умереть? Он, кажется, буйный. Готовим рубашечку. И осторожно, как елочную игрушку, в пакетик.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Но ради революционных процессов...

САНИТАРЫ (под дирижирование Врача). Ради революционных процессов!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Ради принципов всеобщего равенства и братства!

САНИТАРЫ. Равенства и братства! (Набрасывают на Семен Семеныча смирительную рубашку.)

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Что это такое?

ВРАЧ. Гуманитарная помощь.

ЛЮБАНЬКА. А у вас еще есть? Я бы штук пять взяла.

ВРАЧ. У нас этого добра много.

Люба стучит в двери Аксеновым и Щегловым.

ЛЮБАНЬКА. Надя! Павел Андреевич! Юра! Тут гуманитарную помощь раздают.

С криком, весь в танцевальных ритмах, выскакивает Юрий.

ВРАЧ (восхищенно). А вот и звезды балета. Втягиваем его в себя. Танцуем, мальчики!

Танцует увлеченно вместе с санитарями, подражая Юре, задорный латиноамериканский танец.

Выходят Павел Андреевич и Надя. Семен Семеныч пустился в присядку, рукава волочутся по полу, как у украинского плясуна.

ВРАЧ. Вот это квартирка! Я на этих психах докторскую защищать буду!

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Товарищи дорогие! Товарищи дамы и товарищи господа! Спасибо, что вы собрались здесь для моих торжественных проводов. Умирая, я хочу завещать вам гореть как я на пути революционных процессов.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Куда ты собрался, Семен Семеныч?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Я собираюсь... взрывом вот этой гранаты прогреметь на весь мир.

ЮРА. Зачем, Сим-Сим?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Потому что я против.

ЮРА. Против чего?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Это долго объяснять. Но я против, и как противник имею в руках веский аргумент. (Потрясает гранатой.)

ВРАЧ (задумчиво). Любопытный тип.

1 САНИТАР. Хватаем?

ВРАЧ. Ни в коем случае! Продолжаем эксперимент.

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Я взорвусь, как японский камикадзе и взрывом впишу себя в славную историю революционных процессов.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. А ты где будешь взрываться, Сим-Симыч, на чердаке?

СЕМЕН СЕМЕНЫЧ. Зачем на чердаке? Что я вам - крыса какая-то? Здесь и взорвусь. Возле любимых соседей.

Выдергивает чеку из гранаты и с криком: "Да здравствует! Долой!" кидает ее на пол.

Лимонка крутится, как юла. Все в ужасе на нее смотрят и вдруг, сообразив, кидаются на пол. Трагическая пауза в напряженной тишине. Пауза затянулась. Кто-то приподнимает голову. Кто-то привстал.

СЕМЕН СЕМЕНЬЧ. Не понял.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (подняв гранату, рассматривает ее). Чего понимать? Написано ведь - учебная.

СЕМЕН СЕМЕНЬЧ. Негодяи, жулики и подлецы! Даже взорваться по-человечески не дали. А еще партком! Все: отмежевываюсь от коммунистов. Они жулики! А кругом - сплошной обман!

ГОЛОС ОЛЕГА. Обман? Кто сказал - обман? Дайте мне обнять этого человека.

Поднимается на ноги. У врача даже открывается рот от восторга.

ОЛЕГ (обнимая Семен Семеныча). Этот человек сказал правду. Друзья, братья и сестры! Мы все ужасно заврались. Каждое наше слово, каждый наш поступок является противоположностью истины. Жизнь - это великое чудо, а мы лживостью уст своих превращаем это чудо в пошлость.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА (умиленно). Вот и проснулся Спящий! Слушайте его, слушайте. Он говорит правду! Голубчик, вот твоя одежда. Я сберегла.

Надя пытается незаметно увести Павла Андреевича.

ОЛЕГ. Стойте! Куда вы направились?

НАДЯ. Мы в театр.

ОЛЕГ. Нет! Вы больше не будете ходить в театр. (Павлу Андреевичу.) Вы - с Надей.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вот новость! А кто же будет?

ОЛЕГ. Я. (Наспех одевается.)

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Почему это?

ОЛЕГ. Потому что мы все неправильно живем.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Вы штаны неправильно надели.

ОЛЕГ. Дело не в штанах. А в любви. Так жить нельзя! Мы любим не тех, с кем живем, а живем не с теми, кого любим. А надо наоборот.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Святой! Святой!

ОЛЕГ. Друзья мои, дорогие мои! Вот - эта женщина, Надя! Я люблю ее. Я без ума от нее. При всех делаю ей предложение: Надюша, будь моей женой. А этого (показывает на Павла Андреевича) - к черту! Он не любит тебя.

Павел Андреевич с ревом на него бросается и вlepляет ему пощечину. Все ахают.

Никем не замеченная входит Оля.

ОЛЕГ. Очень слабый аргумент.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Слабый? (Ударяет сильнее.) А так?

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. Новый Христос! Терпи, ангел! Не сдавайся, строй новый храм!

ВРАЧ И САНИТАРЫ. Строй новый храм.

ОЛЕГ. Спасибо. Не сдамся. Надя, признайся ему, что ты тоже меня любишь и мы создадим с тобой новую прекрасную семью!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (наливаясь кровью, жене). Что он плетет? Ты его любишь?

НАДЯ. Ложь.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Докажи.

Надя подходит к Олегу, ударяет его по щеке.

НАДЯ. Дурак! Только все испортил.

ОЛЯ (Олегу). Какой же ты подлец! Я все слышала! Ты хочешь меня бросить? (Пощечина.)

ОЛЕГ (протирая щеку). Это... моя жена.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ. Удивил. Весь дом знает, что это твоя жена. Заснул, оставил бедную женщину.

1 САНИТАР (растерянно). Альфред Михайлович, кого брать будем?

ВРАЧ. Пропала диссертация. Все отменяется. Давай сеть для массового психоза.

Санитары выстреливают сетью, накрыв ею всех присутствующих, кроме Софьи Львовны, и заталкивают живую массу в лифт. Лифт пошел вниз. На площадке осталась Софья Львовна.

СОФЬЯ ЛЬВОВНА. А я? А меня-то забыли? Что же мне, снова ждать?

Садится на стул, поправив иконку, ждет, напевая: "Святой Боже! Святой Крепкий! Святой Бессмертный, помилуй нас!"